

Но если мальчик был Кином, разве Генрих не должен был сразу же вспомнить о нем, как только я описала его внешность?

Значит, мальчик и Кин — разные люди.

Испытывая сомнения, Генрих открыл дверь, уложил меня в кровать и натянул одеяло почти до щек.

— У меня сегодня еще много работы, поэтому я не могу уложить тебя спать в своей комнате. Увидимся утром, — сказал Генрих, пресекая поток дальнейших вопросов.

Я была слишком сонной, чтобы задавать их.

Но разве Генрих, который, казалось, собиралась уходить, не смотрит на меня у моей кровати?

Что с ним не так?

Глядя на него широко раскрытыми сонными глазами, я увидела, как Генрих вздохнул. Потом он протяжно произнес:

— ...А благодарность?

— Что?

— Разве я не отвел тебя в твою комнату?

На секунду я не поняла, о чем он говорит. Зачем говорить то же самое, что сказал Кин?

Но мне удалось вспомнить, что я делала вчера, когда Генрих отвела меня в мою комнату.

«Ты хочешь, чтобы я снова тебя поцеловала?»

Я чуть не рассмеялась и быстро подняла голову в сторону Генрих, который уже собирался подняться.

Затем поцеловала его в щеку и снова легла. Глаза Генриха стали еще больше.

— Спасибо, что отвел меня в мою комнату, папа. Спокойной ночи.

Разве Эннис не пролила бы слезы счастья, увидев такую ситуацию?

Пока я зевала, думая так, увидела, как напрягся Генрих, держась за щеку, которую я поцеловала.

Я слегка покачала рукой перед его глазами, но реакции не последовало.

— Ты... Ты в порядке?

— ...Я в порядке.

Казалось, он вовсе не в порядке — он долго стоял с пустым лицом, потом протянул руку и погладил меня по голове.

Лицо Генриха осветила улыбка.

— Спокойной ночи, Розетта.

— Да, да. Спокойной ночи. Папа.

Генрих равнодушно кивнул, а когда повернулся, поднял одну руку и прижал к сердцу. Пока он шел к двери, я заметила, что он немного пошатывается.

Незнакомое прикосновение, похоже, заставило его сердце напрячься. Мне определенно следует заканчивать с поцелуями.

Генрих, который, казалось, хотел выйти из комнаты, стоял, держась за ручку двери, и оглянулся на меня:

— Ты вспомнил что-то важное?

— Завтра в замок приедет еще один человек.

О, это я уже слышала.

Но Генрих приводил все новые подробности.

— Мой третий ребенок и твой третий брат. Учение в Башне как раз закончилось. Я уже рассказал ему твою историю, так что он освободит для тебя время, когда вернется завтра.

Сказав это, Генрих вышел.

Бум.

Дверь закрылась.

Я лежала и вспоминала то, что Генрих только что рассказал мне.

Третий ребенок в этой семье. Его называли Бешеным Псом. Каликс.

Все дети Генриха хорошо подходили на роль злодеев, но я помню, что у этого особенно скверный характер.

«Я... Все будет в порядке, да?»

Я еще больше натянула одеяло, пытаюсь игнорировать зловещее предчувствие.

Генрих определенно отличается от оригинала. Я ничего не знаю о своем третьем брате.

И о существовании Кина, которого я даже не могу определить.

Держась за мысль, которая крутилась в моей голове, мне удалось снова заснуть.

* * *

— Итак, призраки играют для меня красивые песни! Там было много вкусных вещей!.. Но я не доела...

— Наверное, это было обидно. Но после завтрака ты сможешь съесть еще больше вкусных десертов.

— О, отлично! Хе-хе, а у меня сегодня будет малиновый пирог?

Я попеременно смотрела на братьев и взволнованно кивнула, когда Камиллан спросил:

— Вау, звучит восхитительно! Лотти, ты ведь дашь Милли кусочек?

Получив мое согласие, он закричал:

— Я в восторге! — и обнял меня, сидевшую между братьями.

Было настолько щекотно, когда он начал осыпать поцелуями мою щеку, что я разразилась смехом. Авель тоже улыбался с нами.

— Хозяин здесь.

Когда дворецкий постучал в дверь и открыл ее, оживленная атмосфера за столом перед завтраком быстро исчезла.

Как только Авель и Камиллан услышали это, они закрыли рты.

Когда Генрих появился в столовой, внутри уже воцарилась холодная тишина.

— Доброе утро, отец.

— О-отец. Доброе утро.

Я намеренно повысила голос, проходя между Авелем и Камилланом, которые очень коротко поприветствовали Генриха.

— Папа, доброе утро!

— ...Да, и тебе тоже доброго утра, Розетта.

На мое приветствие Генрих почти не отреагировал. Он смотрел на двух своих сыновей и, казалось, хотел что-то сказать, но тут же замолчал.

Обстановка оставалась такой же напряженной, пока не закончился завтрак.